

— Завтра ты ведь не женишься на этой женщине, верно? — с нескрываемой надеждой в голосе спросил Император, глядя на столь покорного ему Юэ Инъяна. Если бы тот согласился остаться в пассивной роли, у него не было бы ни единой причины жениться на той женщине!

— Ваше Величество, — Юэ Инъян высвободил рукав из рук Императора, отступил на два шага назад и опустился на колени. На сей раз он держал спину прямо, словно никакая тяжесть, наложенная Императором, не смогла бы его согнуть. — Прошу прощения, но я не могу выполнить вашу просьбу.

Все приглашения были разосланы, все приготовления завершены — свадьба, назначенная на завтра, была подобна выпущенной стреле! Даже если бы не было всех этих причин, ради доброго имени Хун Яо он не мог нарушить свое слово.

— Вот как! Юэ Инъян! — все иллюзии рассыпались в прах от одной его фразы, от одного этого движения. Он снова опустился на колени... Какое выражение лица нужно было принять? Он отбросил всю свою гордость и достоинство, но в итоге получил лишь этот безнадежный исход.

— Даже если я прикажу казнить весь твой клан, ты все равно женишься? — Император слез со стола, волоча ноги, подобрал разбросанную по полу одежду и кое-как накинул на себя.

Как же больно... Все тело ныло, особенно уголки глаз и область левой части груди. Возможно, в следующее мгновение он умрет от этой боли, а Юэ Инъян так и продолжал стоять на коленях, даже не поднимая головы.

— ...Да, — Юэ Инъян наконец поднял взгляд. Голос Императора звучал спокойно и отстраненно, и именно эта чрезмерная невозмутимость создавала резкий контраст с его недавним безумием. Юэ Инъян предпочел бы, чтобы Император продолжал сыпать жестокими угрозами и яростно бранить его.

Но Император лишь стоял в тени, куда не доставал лунный свет. Его глаза, обычно лениво прищуренные, изогнулись в красивую дугу, а по щекам безмолвно покатались прозрачные слезы.

— Хорошо, Юэ Инъян. Сегодня я вернул тебе все те страдания, что ты перенес за последние семь лет... Я... я больше не в долгу перед тобой.

Император повернулся и, делая короткие паузы после каждого шага, направился к дверям. Но каждый шаг отдавался так, словно он ступал по лезвию ножа, а весь вес тела давил на ту часть, куда совсем недавно бесцеремонно вторглись. Казалось, еще мгновение — и его внутренности разорвутся, превращаясь в гниль. Однако он все еще должен был говорить! Даже если каждое слово давалось ценой капли крови, он обязан был это сказать. Путь до двери, находившейся совсем рядом, занял у него в пять раз больше времени, чем обычно. Добравшись до порога, он ощутил во рту соленый привкус крови: он так сильно сжал челюсти, что десны начали кровоточить, и алые капли упали на накиннутый белый халат, выглядя пугающе ярко.

Он толкнул дверь. Луна и звезды уже склонились к горизонту, и солнце, освещавшее комнату в момент его прихода, вот-вот должно было взойти на востоке.

Рассвет в Вэйчэне был прекрасен.

В последний раз обернувшись, Император увидел, что Юэ Инъян уже поднялся с пола и с беспокойством следовал за ним, но молчал.

Скорбное лицо Императора, озаренное первыми лучами утреннего солнца Вэйчэна, запечатлелось в памяти Юэ Инъяна.

В тот день Император выглядел крайне жалко: его одежда была в беспорядке, и он едва ли отличался от разбитого солдата, только что отступившего с поля боя. По правде говоря, так оно и было — в схватке с Юэ Инъяном он проиграл вчистую. Но именно такой Император заставил Юэ Инъяна впервые не отводить глаз, впервые почувствовать глубокую жалость из самых глубин своего сердца.

Поэтому, когда много лет спустя Император спросил его, когда же он по-настоящему полюбил его, Юэ Инъян смог лишь вспомнить то выражение лица, которое было у Императора в то утро.

Когда Юэ Инъян привел мысли в порядок и вышел из покоев, двор был полон слуг, которых Император разогнал еще вчера. Все они в недоумении шептались: почему за один день поместье генерала стало тише, чем кладбище?

— Приберитесь в главном зале, — махнул рукой Юэ Инъян. У него не осталось сил заниматься этими мелочами.

— Генерал... а свадьба... — видя, что хозяин едва держится на ногах от усталости, управляющий Ло робко шагнул вперед. Ведь сегодня день, когда господин должен был взять наложницу, верно? Или что-то изменилось?

— Готовьтесь, я выйду, когда придет время. — Юэ Инъян оставил старого управляющего с невысказанным вопросом и направился во внутренний двор. По пути он прошел мимо комнаты Хун Яо, но не ощутил желания навестить её — все его мысли были заняты Императором в момент его ухода.

Неизвестно откуда взявшийся Ли Цюаньшунь укутал Императора в широкий черный плащ, скрыв его лицо в глубине капюшона. Император нетвердой походкой двинулся вперед, по пути отстранив руку Ли Цюаньшуна, пытавшегося поддержать его. Этот хрупкий силуэт полностью завладел мыслями Юэ Инъяна.

Он не должен был так с ним поступать. Тот был еще ребенком, который, пусть и повзрослел годами, всегда оставался под защитой окружающих!

И такого, почти бесценного для государства Императора, он ранил... Если бы это случилось позавчера, Юэ Инъян, вероятно, рассмеялся бы. Раньше он и подумать не мог о подобном, и если бы кто-то сказал ему такое, он бы лишь усмехнулся. Но сейчас ему было не до смеха. Он ранил его руками, которые должен был защищать; ранил ртом, произносившим слова верности; ранил самым фактом своего существования!

Почему он решил, что имеет право ранить Императора, возвышающегося над всеми?

Даже два часа назад Юэ Инъян гнал от себя подобные мысли. Все эти семь лет он избегал раздумий об их отношениях и чувствах — только так он мог бесстрастно смотреть на Императора.

Им нельзя было питать друг к другу подобных чувств!

Особенно ему. Стоило лишь поддаться, открыть сердце — и конец неизбежно превратился бы в трагедию. Он не мог позволить себе разоружиться в тот момент, когда его тело было заперто Императором, и так вот, беззащитно, выставить свое сердце перед этим своенравным, прямолинейным ребенком, коим был Император. Если в конце концов Императору надоест эта игра, если он потеряет интерес к своей «игрушке», что ему делать? Уничтожить себя или сгореть вместе с ним?!

Но Император играючи разрушил все его запреты. Вчера в его глазах отчетливо читались чувства!

Однако сам Юэ Инъян отступил перед этими чувствами. Он не знал, как долго может длиться любовь императора? Еще семь лет? Или четырнадцать? Ему это было не нужно! Если любовь была такой, то он предпочел бы, чтобы в постели Император по-прежнему считал его своей собакой. Тогда, выйдя из спальни и вернувшись домой, у него хотя бы оставалось место, где можно зализать раны, где можно спрятаться.

Но Император был слишком властным: сначала давил своей властью, теперь — своими чувствами. Чего он добивался? Требовал ответной любви? Юэ Инъян уже стар, он вышел из того возраста, когда можно поддаваться импульсам, а быть может, никогда и не обладал подобным. Все его юношеские амбиции и мечты были стерты в порошок дворцовыми жерновами, и в его оболочке осталась лишь та же гниль, что и у всех остальных... И что еще Император хотел забрать из этой души? Или, быть может, он действительно хотел что-то дать, но было уже слишком поздно — в его сердце не осталось ничего, способного вместить столь нежные чувства.

Значит ли то, что он уже был ранен, что в будущем ему не грозят еще большие страдания?

Если бы в самом начале он не стал победителем военных экзаменов, приглянувшимся наследному принцу, если бы его не преподнесли в дар как игрушку, принял бы он эти чувства?

— Генерал! Время пришло, скорее к воротам встречать невесту... — голос старого управляющего прервал поток мыслей, и Юэ Инъян никогда не узнает ответов на свои вопросы.

Свадебное торжество Юэ Инъяна было пышным, дом ломился от множества знакомых и незнакомых гостей. Старый генерал, до самого конца не сходящий с лица улыбки, устроил во дворе застолье для всех желающих поздравить клан Юэ.

Единственным изъяном было то, что на лице жениха почти не было улыбки — он оставался таким же серьезным, как всегда, но кто обращал внимание на мелочи в такой великий день?

— Время пришло! Молодожены, первый поклон Небу и Земле...

Юэ Инъян огляделся по сторонам, чувствуя, что участвует в каком-то странном сне, где он женится на женщине, которую уважает, но к которой не питает ни капли любви.

— Второй поклон — родителям...

В недалеком дворце в это время оплакивали те самые чувства, которые по праву должны были принадлежать ему.

— Третий поклон — друг другу!

Жизнь была именно такой — не более чем нелепым сном.

— Отправить новобрачных в опочивальню!

Почему же именно сейчас у него возникло странное предчувствие пробуждения?

Он вспомнил слова настоятеля в разрушенном храме у края поля боя: «Человек живет сто лет, но в итоге должен вернуться. Возвращайся, возвращайся...»

Возвращайся... но где его истинный дом?

— Сяо Шуньцзы, который сейчас час? — лежа на покоех Дракона, Император, скрипя зубами, приподнял затуманенные красные глаза и спросил Ли Цюаньшуня, который неотступно дежурил рядом.

— Ваше Величество, еще час Чэнь... — Ли Цюаньшунь специально назвал время на час раньше, ведь церемония у Юэ Инъяна была назначена на час Сы.

— Ты считаешь меня дураком? Час Сы уже близко... Сяо Шуньцзы, как думаешь, если Юэ

Инъян узнает, что я с ним сделал, будет ли он меня ненавидеть? — Император сжал подушку, желая, чтобы это была голова Юэ Инъяна — тогда бы он успокоился. Но если бы Юэ Инъян действительно появился перед ним сейчас, он бы ни за что не смог отпустить его.

— Ваше Величество, хотя генерал Юэ тоже неправ, но вы... — ох, как ответить императору? На самом деле, генерал Юэ не совершил ошибки, просто в глазах императора никогда не помещалась даже песчинка, не говоря уж о живой невесте. Поэтому император решил, что его предали. Ли Цюаньшунь лишь надеялся, что правитель не пожалеет о содеянном.

— Я знаю. Ему нужно продолжение рода, это его долг и сыновний долг. Он так полон ответственности и вины перед семьей, но при этом он такой нежный... Я не позволю ему быть добрее к кому-то другому, чем ко мне! А к жене и наложницам — тем более! — Когда он видел их вместе, ему хотелось уничтожить всё! Раз в жизни Юэ Инъяна уже не было места для него, он не позволит кому-то другому обладать им... Особенно этой женщине. Кто она такая, чтобы допрашивать его? У неё даже нет права касаться рукава Юэ Инъяна!

— После сегодняшнего дня всё закончится... — Император опустил голову. Даже находясь во дворце, в сердце и мыслях он видел только Юэ Инъяна! Ему казалось, что он видит, как тот в ярком свадебном наряде поддерживает невесту у входа, а затем они дают друг другу клятвы верности. В то время как он сам, израненный вчерашней ночью, не мог даже пошевелиться, лежа на животе... Лицо, зарытое в мягкую подушку, горело от гнева, а в уголках глаз застыла холодная влага.

— Ваше Величество, вы действительно готовы отпустить его? — Ли Цюаньшунь помедлил, но все же проглотил вертевшиеся на языке слова и, поклонившись, вышел. Для двух столь противостоящих людей, как Император и Юэ Инъян, что значит «отпустить» и что значит «получить»? Ему не стоило задавать вопросы, на которые нет ответа, и лишний раз терзать сердце правителя.

— Новобрачных в опочивальню!

Голос распорядителя церемонии звучал неестественно, но Юэ Инъян был вынужден сделать шаг под этот ненавистный звук.

— Указ! — но не успел он опустить ногу на землю, как гул толпы стих.

Юэ Инъян, словно очнувшись от сна, обернулся. Хун Яо от испуга даже уронила красную фату.

Пришло. Наконец-то пришло!

Все решили, что генерал Юэ пользуется огромным уважением, раз сам Император прислал поздравление, но никто не знал, что и жених, и невеста чувствовали лишь тревогу. Юэ Инъян вздохнул с облегчением, ожидая новостей от правителя, а Хун Яо... она взглянула на Юэ Инъяна: сегодня, даже если бы Император приказал её казнить ради него, она приняла бы это

без сожалений.

Юэ Инъян и сам не понимал, почему почувствовал облегчение, услышав призыв к оглашению указа. Возможно, с того самого момента, как Император вернулся во дворец, он ждал вестей. Правитель не мог позволить их семилетней связи оборваться вот так просто, иначе он не был бы тем своенравным Императором, которого знал Юэ Инъян. Раз указ пришел, значит, состояние Императора не настолько ужасно, чтобы тот не смог обдумать свой следующий шаг.

Быть достаточно сильным, чтобы вынести боль — вероятно, тоже часть взросления.

Когда вся толпа опустилась на колени во дворе, евнух, доставлявший указ, пронзительным голосом развернул желтый свиток.

— Слушайте указ Великого генерала, утверждающего величие, Юэ Инъяна:

По воле Неба и воле Императора, к вам взываю. Срочное донесение с границ гласит: тюрки дерзко вторглись на земли Династии Шэн, захватив в плен подданных Сына Неба, пали Динчжоу и Вэйчжоу. Назначаю Юэ Инъяна авангардным полководцем в походе против захватчиков под началом Великого генерала Вана. Обеим армиям немедленно привести войска в порядок и выступить для возвращения утраченных земель. Ситуация критическая, медлить нельзя, иначе последует суровое наказание!

Исполнить!

Генерал Юэ, я знаю, что сегодня ваш счастливый день, но я лишь следую указу. Прошу, немедленно приведите себя в порядок и следуйте за мной в Военное министерство за командной печатью, чтобы поскорее выступить в поход.

Евнух вручил указ Юэ Инъяну и поторопил его. Хотя быть призванным на войну прямо перед дверями спальни в день свадьбы было досадно, но государственные дела, конечно, важнее наложниц. Евнух похлопал Юэ Инъяна по плечу, выражая сочувствие.

Гости начали перешептываться, обстановка стала хаотичной.

— Ха-ха... ха-ха... — неожиданно Юэ Инъян разразился смехом. Он никак не ожидал, что Император пойдет на такой ход!

Юэ Инъян проследовал с евнухом в Военное министерство для оформления всех бумаг. Раз жениха не было, свадебный пир свернули, хотя, к счастью, самую важную часть церемонии удалось завершить.

Десять дней спустя, когда армия была собрана, развернулись красные с черным знамена Армии Орла, и Юэ Инъян официально повел войска в поход.

— Госпожа, это письмо, которое господин просил передать вам перед отъездом. — Старый управляющий, проводив взглядом своего хозяина, вспомнил о последнем поручении. Вручив письмо Хун Яо, он вышел и закрыл дверь: некоторые вещи супругам лучше обсуждать наедине.

Вот как? В конце концов он всё же вспомнил, что женился. Хун Яо спокойно взяла письмо от супруга, который с самого дня свадьбы, после того как был призван указом, больше ни разу не переступал порог поместья. В её глазах застыла горечь.

Хун Яо, я виноват перед тобой.

Изначально я привез тебя из приграничья в Вэйчэн, чтобы избавить от страданий. Такая умная и искусная женщина, как ты, не должна была влачить жалкое существование. Но я забыл, что сам нахожусь в таком же безвыходном положении... Я вытащил тебя из одной трясины, но подтолкнул в еще более глубокую.

Ты добрая сердцем, и, конечно, не станешь меня ненавидеть. Поэтому у меня хватит смелости просить тебя: присмотри за моими родителями. Они уже стары, и я был их единственным сыном. Прошу, заботься о них в будущем, как о родных отце и матери. Мой отец честен и добр, а матушка мягкосердечна — они отплатят тебе искренней любовью.

У меня не хватило духу увидеться с тобой перед отъездом, пришлось выбрать бегство. Я уже предал чувства другого человека — надеюсь, этот поход принесет ему успех, как он и желал. А перед тобой я могу искупить вину только в следующей жизни.

Подпись: Юэ Инъян.

Почему? Почему он оставил ей письмо, похожее на предсмертную записку? Какая ещё забота о родителях? Она ни за что не согласится! Она не знает правил хорошего тона и не умеет ладить со свекровью! Поэтому, господин, вы должны вернуться! Почему «ему» можно получить желаемое сейчас, а она должна ждать следующей жизни? Ей не нужны эти призрачные обещания, она хочет лишь, чтобы господин вернулся живым! Руки Хун Яо бессильно опустились, бумага сжалась в комок, и лишь смутно можно было разобрать два иероглифа — «следующая жизнь»!

— Я думал, как только Юэ Инъян уедет, поместье опустеет, а оказывается, здесь еще теплится жизнь. — Голос, подобный призрачному шепоту, взорвался в голове Хун Яо.

Угрюмый мужчина вошел с улицы, но от него не веяло ни граммом тепла. Хун Яо вскочила со стула и, забыв об этикете, не боясь смерти, ухватила за Императора, с которым с самой первой встречи не смела даже смотреть в глаза.

— Зачем вы пришли? Посмеяться? Посмотреть, в каком жалком состоянии оказался дом без хозяина? Или вы сегодня пришли сказать нам, что господин больше не вернется...? — Сколько силы может быть в слабой женщине? Но Хун Яо, обезумевшая от горя, не давала Императору

вырваться!

— Что ты несешь... — Императору было больно, он оттолкнул её, и Хун Яо, не удержавшись, ударилась о стол и сползла на пол. Но она не встала, а зарыдала в голос.

Выпавшее из её рук письмо упало прямо к ногам Императора. Он подозрительно поднял его, и после пары строк его лицо изменилось до неузнаваемости.

— Когда он передал тебе это? — Император рывком поднял Хун Яо с пола и принялся её трясти.

— Какая разница, когда? Господин ушел... ушел... — Спрашивать об этом сейчас было уже бессмысленно.

— Ли Цюаньшунь! Готовь паланкин, возвращаемся во дворец! — Император сжал бумагу в кулаке и позвал евнуха, ожидавшего у входа.

— Слушаюсь. — Ли Цюаньшунь взглянул на Хун Яо, продолжавшую рыдать на полу, и последовал за Императором, который вновь напрягся всем телом.

— Что значит «всё пойдет как надо» и «как я желал»? — Император метался по Залу Чаоян, вытаптывая следы на корейском ковре.

— Быть может, генерал Юэ о чем-то догадался... — тихо пробормотал Ли Цюаньшунь, склонив голову. В своей армии Юэ Инъян при малейшем шорохе мог узнать о происках Императора.

— Что ты сказал?! — Император услышал его и нахмурился.

— Раб виноват! Я лишь предположил, что генерал Юэ уже знает о шпионе, которого вы отправили в его войска. — Ли Цюаньшунь опустил на колени.

— Нет, он не мог знать о моем плане, иначе он не стал бы так послушно принимать указ и уходить в поход! Но почему он оставил такое письмо? — Всё это было слишком противоречиво, совсем не в духе прямолинейного Юэ Инъяна. Если бы он узнал... Если бы он знал... пошел бы он в поход, как того желал Император? Император уже потянулся к вазе на столике, собираясь разбить её, но внезапно остановился.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но мне кажется, генерал Юэ отправился в поход, даже зная о ваших замыслах. — Какое несчастье... Как угораздило этих двоих встретиться? А им, слугам, приходится так волноваться.

— Нет... он бы не... он точно не стал бы идти в поход, если бы знал! — Император рухнул на

стул, и ваза в его руках полетела на пол, разлетевшись на куски.

Нет, он не ошибся! Он — достойный Император! А Юэ Инъян предал его доверие и все чувства, что он в него вложил! Поэтому он тайно внедрил убийцу... поэтому он тайно издал указ... убить... Юэ Инъяна! Если он не может обладать им, то и никто другой не сможет!

Да, он всё сделал правильно... Разве наложница Цин и наложница Юнь, предавшие его в свое время, не получили по заслугам?

Только в этот раз он решил использовать свои руки, чтобы уничтожить Юэ Инъяна.

— Генерал, скоро стемнеет, а путь впереди трудный, может, разобьем лагерь здесь?

Октябрь в Вэйчэне был глубокой осенью, а за пределами заставы уже стоял лютый мороз. До фронта оставалось дня пять пути, но снег шел не переставая уже трое суток. Их приготовления к походу были слишком поспешными: солдатам не хватало ни теплой одежды, ни провизии, и даже сам генерал Юэ вынужден был экономить, едва утоляя голод.

— Хорошо, передай приказ: лагерь разбить здесь. — Юэ Инъян взглянул на Му Цзунбао, который едва дышал от усталости, докладывая о ситуации. Понятно было, что пехота не выдержит такого темпа. Истощать силы до прибытия на поле боя из-за погоды или рельефа было крайне опрометчиво. Юэ Инъян посмотрел на огромные горные пики, пронзающие снежную мглу. Кто бы мог подумать, что за заставой такие опасные места? Впрочем, если придется заманивать врага вглубь, это будет им на руку!

— Генерал? Генерал? — голос Му Цзунбао вернул его к мыслям о тактике.

— Что такое? — Юэ Инъян слез с лошади, отряхивая снег с лица и одежды.

— По поводу того нового младшего офицера, я нахожу его подозрительным! Наша Армия Орла всегда была независимой структурой, почему к нам насильно приставили человека, о котором мы ничего не знаем? Да и ведет он себя скрытно, генерал, явно замышляет что-то недоброе! — Му Цзунбао говорил всё воодушевленнее, убеждаясь в своей правоте.

— Цзунбао, о некоторых вещах тебе не стоит беспокоиться слишком сильно. Просто подумай о том, как через пять дней заставить поплатиться тех, из-за кого нам приходится совершать форсированный марш в такую погоду, этого будет достаточно. Возвращаясь в свой лагерь, я как следует обдумаю некоторые вопросы. Военный советник Лю, ты тоже пройдишь по всем лагерям, посмотри, сколько воинов сегодня получили обморожения.

Легко отделавшись от Му Цзунбао, который был более чем доблестен на поле боя, но страдал от нехватки стратегического мышления, Юэ Инъян спровадил и старого генерала, стоявшего рядом и с явным одобрением слушавшего слова Му Цзунбао. Оставшись один, Юэ Инъян снова

поднял взгляд на величественную горную вершину, уже скрывшуюся за тяжелыми дождевыми облаками. Вероятно, времени, когда он мог бы использовать её, у него уже не осталось.

<http://bllate.org/book/21138/2144061>